

18+

Сергей Пилипенко

Ричард - герой полей

Сергей Пилипенко
Ричард – герой полей

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пилипенко С. В.

Ричард – герой полей / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Совсем небольшой рассказ познакомит читателя с тем укладом жизни, что существовал в средние века, и прольет свет на забываемые времена рыцарства. Он расскажет о том, кем и за что велись бесконечные войны и что собой представляли так называемые тевтоны. Это история одного человека, волею судьбы оказавшегося закованным в латы и волею самого провидения в одночасье ставшего королем.

Содержание

От автора	5
Вступление	7
Глава 1. Тевтон	9
Глава 2. На коне	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

От автора

Что применимо к одному – то возможно станет применимо и к другому. Так можно сказать всецело о природе разных по характеру веществ, и так же можно обозначить подмену одной исторической ветви развития совершенно другой.

Но речь здесь не пойдет о, так называемой, подмене истории или дат ее выражения. Разговор будет о самой крови тех самых королей, что давно и признано служат своему народу по ходу возложения самой истории в целом.

Обсуждая в очередной раз дела какого-либо из семейств королевской знати, не лишним раз напомнить и о том, что не всегда они были именно таковыми и своими корнями глубоко уходят в простонародье своей среды, представленной просто людьми самого различного сословия.

Все эти придворные качества сохранялись и вырабатывались годами, и с преобладающим трудом все же кое-что в том деле было достигнуто.

Не так просто из человека, как говорят, простого сотворить человека двора.

Здесь учитывается воспитание, как отдельный законодательный акт самой среды такого представления и в этом же участвуют многие, кто хоть как то, но связан с почестями того или иного двора.

То есть, фактически воспитанием одного занимается целое население, представляющее от своего же лица все те формы не совсем бытового обихода.

В том, что приведено будет ниже в качестве самого примера, Вы не найдете всех тех достоинств, о которых идет речь. В нем как раз будет присутствовать самое простое, ибо так отражалось временем и так сотворилось событием.

Прелести двора будут почерпнуты гораздо позже, когда сами люди уже немного встанут на ноги и не будут преползать от одного вида того существа, что призвано было стать по природе своего возрождения их же королем.

Здесь же будет указано самое простое. Борьба за жизнь и за совместимость ее с иным представлением того же – богатой жизнью.

То есть, жизнь без особых затрат труда и без переподчинения кому бы там ни было.

В этом и есть смысл всех злоключений людских и именно поэтому везде и во всем прокладывается живая или мертвая дорога к самой власти.

В самой природе Земли совершенств лишь немного. То ли говорить о тех, кто сейчас ее населяет и составляет основную ее же часть. Их прибыли и усталости всецело заполнили собой всю среду и вскоре совсем не останется места для какого-нибудь нового ее наполнения.

И это грозит новыми источниками дополнительных бед, что в свою очередь вполне способно вызвать саму механику движения Земли, в результате которой пострадают многие и претерпят многие.

В силу разности всех тех сословий, что указаны были ранее, сами беды возложатся по-разному, но претерпевать их придется все же каждому, независимо от тех состояний, в которых пребывают и о которых порой забывают, когда дело касается каких-то действительно решительных мер по тому или иному возникающему вопросу.

Именно вопросы, так называемых, отлагательств на дальнейшее время и приводили ко всему апокалипсическому и революционному, что в ходе самой истории доказано неоднократно.

История самих королей явно указывает на то же, предлагая возводить в жизнь новые решения известных царящих на Земле проблем и не останавливаться на пути новых свершений.

Все начинается сначала. Как когда-то была завоевана королевская власть, вскоре будет отвоена у самой природы власть над нею самой.

И для этого нужно совсем уж немного. Всего лишь знать и обязать к тому знанию каждого, что может сделать только сама власть в обладании даже самого простого...

Вступление

Излагая в жизнь или проводя в мир какую-либо частичку своей души, каждый автор старается донести до читателя только то, что ему истинно ведомо.

Что-то добавляется уже от себя, то есть с точки зрения современности, что-то выдумывается, так сказать, для остроты сюжета, а что-то и вовсе переделывается, если какая-либо личная история совсем не приглядна или просто не интересна для другого.

И в этом есть разница между авторами подобных исторических экскурсов в наше прошлое. Этим же отличаются одни писатели от других и на этом же построена, так называемая, жизненная позиция того или иного человека, ту самую историю предлагающего.

Таким образом, доля существенной правды в том или ином произведении зависит напрямую от автора сочинительного труда. Плохо это или хорошо – судить уже самому читателю, так или иначе, но оценивающему состоятельность прочитанного им труда.

Режим «художественности» дает полное право на привилегию в данном вопросе, что неизменно сказывается на самом результате, а, соответственно, и прибыли от качеств авторского труда.

И все бы было совсем неплохо, если бы только не возникал время от времени один и тот же вопрос. Куда уложить прочитанное, в какую ячейку памяти поместить?

Это чем-то схоже с определением места на компьютере для той или иной полезной или не таковой информации.

Какие впечатления бы не получал человек от прочитанного, или пусть даже косым взглядом брошенного – все то отлагается в памяти, отчего возникает привкус той самой литературной основы, а в дальнейшем вырабатывается прямая или косвенная зависимость.

То есть, каждый читатель определяет для себя категорию чтения и своеобразно становится зависимым от самим собою избранного и продуктивно насыщенного материала.

Таким образом, вся категория читателей как бы подразделяется на множество подкатегорий, что в свою очередь представляют собой n-ное количество людей, воспринимающих реалии мира каким-то своим порядком исчисления.

В результате мы имеем читательскую конъюнктуру, специализирующуюся на конкретной тематике и литературном воспроизводстве.

И как итог – имеем массы населения с ярко выраженными жизненно устойчивыми позициями или привилегиями взглядов.

Таким образом, судя по, так называемому, читательскому спросу или интересам, вполне можно анализировать ситуацию во времени и определить долю той самой правды, которая пользуется спросом у самого населения.

Такова правда настоящего дня, и она, как говорится, совсем не вымышлена.

Но тенденции во времени все же меняются, ибо человек идет от одного к другому по широкой дороге жизненного пути.

Потому, категории взглядов порой пересматриваются, а жизненные прерогативы меняются.

И доля в этом весьма плодотворном изменении принадлежит именно правдивой литературе, что способствует человеческому размышлению и дает тот или иной прирост ума.

Таким образом, правда как бы выступает в роли основного, слагающего наш ум фактора природного давления, и она же является его экономическим звеном развития, так как представляет саму жизнь в тот или иной отрезок времени.

На долю художественной литературы приходится наибольшее число всех произведений и это говорит о том, что доля самой правды, постигающейся нашим умом, по-настоящему мизерна, и составляет в итоге лишь какой-то процент от общего числа всего остального.

И в этом, конечно же, настоящая беда. Ибо праздность ума не благоволит к серьезному, а значит, ожидать каких-то реальных конкретных результатов в самой жизни – нечего.

В свою очередь, художественность несколько снижает утомляемость нашего умственного начала и это дает преимущество более яркого восприятия прочитанного или его упрощенность.

Таким образом, правда в художественном – есть наиболее выгодный вариант развития потенциала ума и своеобразно экономически обоснованный.

И к этому нужно стремиться всему тому, что именуется авторством, и к этому же нужно прийти в своем выборе читательскому контингенту. За этим прогресс населения, а за ним – само наше будущее. А пока мы на некоторое время окунемся в прошлое и познакомимся с ним поближе. И насколько правдиво оно – вы усмотрите сами.

Я же попытаюсь выразить так, как оно и отобразилось в самой памяти и запечатлелось навсегда.

Глава 1. Тевтон

Кто-то угрюмо смотрел мне в лицо, всем своим видом демонстрируя ненависть, злобу и какую-то общую недоброжелательность.

Я повернулся и пошел к одному из гостей, к этому часу наполнивших увеселительное заведение для тевтонских рыцарей.

Надо сказать, что были мы все в масках и чтобы опрокинуть ведро-другое сидра, подающегося здесь, ее необходимо было приподнимать хоть на какое-то время.

Нельзя же влить его сквозь сито, расположенное в маске в виде зубов, склеенных какими-то пластинами.

Саму маску я вообще заказывал в Турине. Издали мне ее везли и вот, наконец, я ее получил.

Высокий хвост разносился за моей головой, но сначала он вырастал вверх до немыслимой высоты и уж только потом опускался мне прямо за спину.

В этом было одновременно и преимущество, и опасность.

Враг мог захватить меня сзади за тот самый хвост. Но это только так казалось, что он крепок.

В самую критическую минуту хвост обрывался или точнее, вытаскивался, и я сходу обрушивал свою мощь на опешившего на время врага.

Многие заплатились так жизнью, и я всегда в душе благодарил мастера, сотворившего сей бесценный шлем, за такую хитроумную выдумку.

Веер был ярко зеленым, а само основание ярким красным, который переходил в коричневый, затем в желтоватый и уже после в зеленый, все время слабо меняясь на стыках цветов.

Так было задумано еще потому, чтобы в разных схватках этому хвосту придавалось разное значение. Если я рубился стоя, то издали или даже совсем с близкого расстояния хвост казался частью другого.

К примеру, хвостом лошади или просто конским хвостом. Надо сказать, что в те времена самые настоящие конские хвосты также подкрашивали. Потому, в пылу боя не особо было понятно, кому тот хвост принадлежит.

Случалось разное в наши боевые походы. Однажды Рональд, перепутав те самые хвосты, так получил по голове, что за три дня отдал Богу душу. Вот так-то, братец, бывает на белом свете. Все случалось и такое тоже.

Сама маска моя была кована из заморской стали. Кажется дамасской или саксонской ее прозывали. Точно не могу сказать, уже позабылось то, ведь давно дело было.

Шлем в целом мне подходил. Закрывалось все вплоть до моих ушей, которые были не такие уж и маленькие, если брать в целом самого меня, то есть владельца.

Само тело прикрывали доспехи. Небольшого размера пластины покрывали руки и облегли их с разных сторон. Так же были прикрыты и ноги, весь зад и даже перед. Порой, трудно-вато приходилось в связи с этим. Иногда, даже ходили в себя.

Так это называлось тогда.

Не любил я, конечно, этого, но поделаться ничего не мог. Что перед, что зад были нужны мне на самом деле. Так что уж лучше стерпеть когда, чем без какого члена тела остаться.

Не один я так потчевал себя. Многие делали то же самое. А кто не хотел, то с жизнью давно расстался или стал калекой навек.

Лучники доставали нас мигом, когда хотели раздеться по нужде или так, чтоб искупаться.

Жили мы особью, то есть по одному. Так же в бой шли, лишь рядом состоя, когда надо.

Дело свое исправно чинили. Никому спуску не давали и боялись нас все, как огня, что в ту пору процветал везде.

Еще мало было построено домов из камня. Все больше из древесины какой или вообще из сухих веток потолще, если какой-то хозяин беден был.

Вот и жгли их до тла ни за что, ни про что.

Но то время было такое, и я сам на себя всю вину за всех брать не могу. Не один был, да и не командовал вовсе, а подчинялся.

Сейчас служу я у герцога-короля одного. Нанял он меня так же, как и остальных. Еще не познакомились мы все до конца.

Вот и стою здесь и осматриваю зал и эти ряды, где сидр, снимая шлемы, пьют, а потом снова их на головы опускают. Кто знает, сколько здесь врагов моих бывших или может, наоборот, друзей. В особую дружбу мы не вступали.

Знали ведь сами, что сегодня ты на одной стороне воюешь, а завтра можешь оказаться на другой и сойтись лицом к лицу с тем, с кем еще вчера какой-нибудь гимн воспевал за тем же сидровым ведром.

Но все же, знакомства имелись. Да и по ходу долга работы мы обязаны были помнить многих.

Как правило, каждый довольствовался только одним рыцарским облачением. Дорого было его покупать. Если часто менять, то на остальное ничего не останется.

Вот и разглядывали мы друг друга по своим "нарядам", да еще смутно чувствуя внутри, враг перед тобой или друг.

Вот и сейчас, осмотрев зал тяжелым взглядом, я увидел того, кого уже лет пять искал. И он узнал меня. Но искать причину для драки, а это у нас часто водилось, не стал.

Потому, просто посопел, а я прошел дальше к своему столу, который занимал вот уже девять дней.

За это время понаехало сюда много нашего брата. Видно большая затея намечалась. Но нас это мало волновало. Платили пока хорошо, да и Бог им в помощь. Так мы себе отмечали дело это, совсем не нуждаясь в каких-то объяснениях от самого нанимателя.

Сей герцог-король был горд, высок и статен собой. Носил небольшую бороду и перстень с изображением герба на левом мизинце.

– Видно, из высоких кровей, – про себя тогда отметил я, да и другие то же заметили. Но никто словом не обмолвился и, договор, составив, все разошлись по стойбищам.

На одного тевтона с его лошастью одно место и полагалось. Тесновато было, конечно, но что поделать. На такую уйму людей и животных много места не наберешься, будь ты хоть сам король сакский.

Совсем забыл сказать, что на тот период была у меня всего одна лошадь, а так их полагалось две, на смену. Все-таки тяжеловато им было под нами.

Вторая – моя старушка, погибла совсем недавно в бою. Какой-то дикий зверь напал на нее, да так и загрыз.

Я, конечно, отогнал его, но было уже поздно. Так моя старушка скончалась, и мне приходилось сейчас думать о другой.

Но где ее достать? Народу-то тьма подсобралась и каждому надо. Может, кто предложит. Пойду, посоветуюсь с хозяином.

Я так и сделал. Обойдя свой стол, подошел к стойке и поманил пальцем того, кого хотел. Тот сразу подбежал, что-то лепеча про себя.

Тевтонов они боялись больше смерти. Потому, любое приказание исполняли мгновенно.

– Эй, ты, – обратился я к тому, стоявшему передо мной в такой позе, что захотелось сразу голову снести своим топором.

– Я, я, – что-то залепетал он снова и еще ниже склонил свою голову.

Я слегка стукнул его по затылку, а затем взял за шиворот и немного приподнял. Рубаха затрещала, но выдержала.

Хозяин испуганно задержался и его взгляд остановился перед моим.

– Лошадь имеется в продаже?– задал я ему самый простой вопрос.

– Я, я, – закивал тот головой, и я его сразу отпустил.

– Куда идти? – строго спросил я и посмотрел на него сквозь свои узкие щели маски.

– Битте, битте, – залепетал снова хозяин и, протянув руку, почти побежал вперед меня.

Я пошел следом за ним в какую-то узкую дверь, за которой, как мне показалось, слышались похожие голоса на этот его лепет.

Пройдя внутрь, мы оказались сразу на кухне, где работало много народу, готовя нам всем еду.

Я огляделся. Лошади нигде не было видно. Тогда, я сурово взглянул на хозяина и почти поднял руку для удара.

– Найн, найн, битте, – снова затараторил хозяин, уворачиваясь от моей руки и продолжая свой путь дальше.

Я его понял и потому двинул следом, осматривая собравшихся работяг с гнусно кривыми рожами и жалкими туловищами.

Почти такими же были и женщины, торопливо отворачивающиеся в сторону при виде такого гостя. Все боялись тевтонов, а уж эти и подавно. Им действительно было чего бояться.

Попадая в руки, они подолгу блудили рядом с ними, пока не надоедят, и тевтон сам не отпустит. Таков был закон.

Правда, его никто не писал тогда, но он свято чтился всеми, ибо ценой неисполнения была кровь.

Я подметил одну и двинул было пальцем в ее сторону, но вдруг вспомнив, что здесь не за тем, снова махнул рукой и зашагал далее, больше не поворачиваясь в ее сторону.

Вздых облегчения послышался с той стороны, но я сделал вид, что не заметил того, хотя мог бы и наказать, как это делали всегда другие.

Это было равноценно предательству. Конечно, такие вольности не допускались в отношении высокопоставленных особ в том же облачении, но случалось всякое.

В пылу сражения все наряды путались, и уже не было разницы между простым тевтоном и каким-нибудь рыцарем града.

Так они назывались, так как жили в замках или где-то в домах, имея семью и прочее хозяйство.

Что же в отношении женского пола, то здесь разницы не было никакой.

С тевтоном шла любая. Исключение составляли лишь те, кто нанимал, то есть их семьи и так далее. Но ведь это время от времени менялось.

Потому, тевтоны могли довольствоваться тем же в другой раз. В общем, правил не существовало. Значение имела только плата. Они платили за свою жизнь.

Мы ее сохраняли, пока, либо не кончатся деньги, либо пока с нами расторгнут договор.

Конечно, богатые жили богаче и могли всегда откупиться. Потому, из богатых семей мало кто уезжал с каким-нибудь тевтоном. Скорее всего, уезжали деньги, которые тут же тратились и завоевывались вновь.

Такая была жизнь. Жизнь очень сложная и непростая. Повсюду гуляли смерть и насилие. Над властью не было власти, кроме самой власти денег. Так можно кратко охарактеризовать тот период.

А сейчас, я сделаю небольшое отступление, чтобы поговорить о самой власти, о ее величии, причинности, развязности, ее стадности, беспутничестве и, наконец, об особой безбожности в поголовном наследии людском.

Что можно сказать о ней самой, о той самой власти?

Кем она дана и почему процветает так везде и повсюду среди всего люду?

Трудно ответить на все сразу, но попытаюсь ответить целиком.

Власть – то есть завоевание душ человеческих душами другими, более и более угнетенными жаждой любого обогащения. Это есть прелюдия самой структуры власти.

А, что же такое она сама?

Власть – то есть сила умения одного или нескольких упрочить славу и вовлечь в обтяжный труд всего прочего, что подчинен его или их силе.

Это есть краткая характеристика самой власти. Но есть более обширная и как бы расходящаяся по сторонам, исходя от условий бытности, в целом состава ума и состояния самого тела.

В быту властность теряется. Она возникает только в не таковом. То есть, когда из того же труда и быта выделяется всего одна единица, желающая в нем не принимать участие.

Это закон возникновения властной единицы труда.

Слабость ума многих не позволяет охватить это и открепить эту власть от самих себя. И она же не подтверждается силой самих тел.

Значит, величие власти – сила ума и сила тела совместно. Это принцип самой власти и ее узаконено нарезанного труда будь кому.

Сила власти – это понятие несколько обширное, ибо сочетает в себе самые различные формы гипертрофированного нечеловеческого трудового исполнения повинности.

Иначе говоря, это аспект работы тех, кто не подчинен ей самой, а переподчинен только узаконенной кем-то силе состояния власти.

Само состояние власти – это удел труда многих элементарно простых единиц того же нечеловеческого труда. Или, это допущение ошибок в процессе высвобождения трудоисполнимых единиц из одного и того же слоя состава населения.

Трудно характеризовать любую власть.

Но власть всегда подразделяется на власть силы и власть ума. Обоюдного сочетания пока не происходит, или не происходило до сих пор. Даже самые выдающиеся деятели не попадают в факт данной категории. Почему так?

Потому что, любой факт истории неминуемо влечет за собой гибель каких-либо людских ресурсов, а это – явное отсутствие ума у той самой власти.

Кроме этого, любое чинопочитание – есть предательство со стороны ума и явное использование авторитета силы.

Значит, власть до такой степени несовершенна, что способна не воспринять уму, а оттолкнуть его и

насадить явно только силу.

Это первое бессилие любой власти. Второе бессилие будет звучать так.

Любая власть, осажженная на умственном безразличии и исполняющая только свою целенаправляющую роль, будет безвластием на местах и осуществлением той же воли силы или насаждения ее с более низкостоящей ступени иерархии роста.

Рассмотрим яркий пример беспринципности власти или осаждении ее только на силе.

Для этого возьмем самих себя.

Наше время, нашу участь, наше звучание внутренних сердечных колоколов.

Что мы видим на самом деле?

Да, есть власть, есть какое-то умение ее арендаторов, есть двуполая слаженность в работе и есть явное доминирование превосходящей силы самой власти.

Но, что мы не видим в том же порядке перечислений – так это силы торжества ума. Ибо все творимо бездумно, супротив воли решения людей и супротив даже тех, кто стоит на меньших структурах той же иерархии роста.

Значит, власть беспринципна, ибо она допускает ошибку, снисходя до наименьших единиц труда и опуская туда же наименьшую руководящую ступень.

Теперь, рассмотрим саму силу власти. Какова она реально?

Да, она есть, она на местах и исполняема.

Но полезность ее использования относится к нулевому значению, ибо величина самой власти не разделяет основу их труда и подвергает роли посредника в проведении каких-либо массовых мероприятий.

Значит, сила фактически есть, реально же она отсутствует.

Ибо, сила не в состоянии исполнять закон посредничества. Ибо, сила – есть сила и ничто другое.

Ей неведомы принципы всякого отдувательства за содеянные проступки более высоких ступеней самой власти.

Итак, вывод №1 – власть беспринципна и безапелляционна. Она несовершенна, ибо влечет в себе массу посредничества со стороны ее силы и массу потери времени со стороны умственного восхождения населения.

Вывод №2 – власть безгранична, ибо способна руководить действием силы и узаконить самое незаконное.

Вывод №3 – власть безукоризненно устойчива, ибо не несет полноты ответственности, сохраняя свою величину, как силу подачи ума всякому нижестоящему в ряду всякой бытности. И она же незаконно творима, ибо существует вне поддержки самого населения.

Итак, мы несколько разобрали суть приоритетов власти и, теперь, продвинемся далее в нашем рассказе, чтобы в дальнейшем сформулировать саму тезисную доктрину всякой власти, дабы лучше разбираться в ней самой и понимать суть ее принципов.

Но возвратимся вновь к нашему герою и окунемся в то столетие или вековую эпоху, чтобы усмотреть лучше основы той самой власти и попытаться понять – какова она в реально отвергнутом виде среди людей или среди того, где мы все и живем.

Место действия не обозначено, да оно и так, думаю, ясно.

Потому, откажемся от всякой исторической привязанности и будем вдумываться только в то, что происходило тогда и, по сути, происходит сейчас.

Глава 2. На коне

Я прошел вслед за все еще что-то лепечущим себе под нос хозяином, и вскоре мы оказались на улице. Солнце так ярко ослепило мне глаза, что я даже закрыл их на секунду. Но в ту же минуту открыл и посмотрел, куда же пришли.

Это было помещение на двоих.

То есть, на человека и лошадь. Убранства никакого не было, но стоял конь и дико блеснул глазами, фыркая иногда, да еще притопывая копытами.

Я сразу оценил его достоинства. Это был рабочий конь. На него можно было смело водружаться даже без седла. Кожа его лоснилась, и сам весь он аж блеснул.

На нем не было никакой сбруи, и я спросил почему. Хозяин что-то объяснил мне, но я так толком и не понял.

– Сколько? – спросил я резко и потряс небольшой кошель у себя под левой рукой.

Хозяин взглянул на то, что имелось, и отрицательно покачал головой, давая всем видом понять, что этого мало.

Я хотел уже было его пристукнуть, как муху у себя на колене, но вовремя остановился.

Он видимо почувствовал это и сильно испугался, мигом упав на колени и моля о пощаде.

– Ладно, – сказал я негромко, – на, бери. И этого хватит, иначе можешь остаться без головы.

Я стукнул ногой ему под зад, повернул к себе и одним рывком бросил кошель ему в лицо.

Хозяин жадно ухватился за деньги, а я, молча, вывел купленного коня из стойбища.

Конечно, за такого красавца я отдал ему совсем мало, но где мне взять еще, если больше не было вовсе.

– Платили бы больше, дал бы, – сказал я тогда почему-то сам себе и со злостью захлопнул ногой за собой ворота.

Все-таки кое-какие угрызения прокрадывались в мою голову и временами становилось не но себе.

Хотя жалеть хозяина особо-то не было нужды. Наверняка, конь где-то приبلудился, потеряв навечно своего всадника, а он его просто поймал, затем, конечно же, выдал за своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.